

15 ФЕВ 1981

ДЫХАНИЕ КРАСОТЫ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АННЫ ПАВЛОВОЙ

МЫ были бедны, очень бедны. Но мама всегда ухитрялась по большим праздникам доставить мне какое-нибудь удовольствие. А раз, когда мне было восемь лет, она объявила мне, что мы поедem в Мариинский театр. Я взволновалась. С первых же нот оркестра я притихла и вся затрепетала, впервые почувствовала над собой дыхание красоты. Но когда взвился занавес, открыв раззолоченную залу дворца, я тихонько вскрикнула от радости. И, помню, закрыла лицо, когда на сцену выехала старая злая волшебница в карете, запряженной крысами.

...Так в 1912 году прославленная прима петербургского балета, участница «Русских сезонов» в Париже, гениальная балерина Анна Павлова вспоминала о тех временах, когда звали ее Нюрочкой и никто еще не знал, что суждено в недалеком будущем. То было невеселое детство дочки солдата и прачки с обязанностью жестокого труда в императорском училище, где лучшие российские педагоги растили необыкновенную свою питомицу. То было детство, овеянное дыханием красоты, что на всю недолгую полувековую жизнь оставалось с ней в ее танце.

ЕЕ ИМЯ осталось не просто символом русского балета, но и обозначением понятия Прекрасного. Ее имя превратилось в легенду еще при жизни, трагически оборванной внезапной болезнью. Всем очевидцам искусство ее казалось невероятным. Магия Анны Павловой воздействует на зрителей даже сегодня — сто лет спустя после ее рождения.

Мы забываем о несовершенстве техники съемок. Романтическим видением возникает перед нами ее утонченная и строгая фигура. Она движется, а вспоминается пушкинское «Какая смелость и какая стройность!». Она танцует «Рондино». Пушистый белый веер колышется, живет своей отдельной жизнью, словно живое существо прочерчивает в воздухе причудливый, капризный рисунок танца. И словно пытаясь открыть тайну Анны Павловой, «Рондино» снимают вторично — рапидом. И чем замедленней, чем отчетливей «раскладывается» каждое па на первоэлементы, тем непостижимей выглядит чудо возникновения танца.

Надо было обладать гением Михаила Фокина, чтобы найти зримое воплощение великим тайнам ее искусства, великой печали, заключенной в ее трепетной, неуспокоенной душе, — он создал «Лебедя». Тогда Павловой было двадцать четыре года. Уже двадцать девять партий перетанцевала она в том самом

Мариинском театре, где впервые увидела «Спящую красавицу», где впервые и навсегда почувствовала свое призвание. Ни на кого не были похожи ее героини. И в сказочных персонажах, и в отдаленных придуманных судьбах билось время Павловой с его нервом, с его вопросами, с предвкушением перемен. Мечта о гармонии, тоска по Красоте, образы, словно заклиниванием вызванные из туманных далей былого и вместе с тем живые, влекущие за собой сердце и мысль, — такой явилась Павлова в «Павильоне Армиды» и «Шопениане». Но еще до создания этих фокинских шедевров родился «Лебедь». Когда балерины уже не стало, в память ее на одном из концертов под мелодию Сен-Санса луч прожектора молчаливо скользил по сцене. И каждый мысленно представил себе, как разыгрывается поединок жизни со смертью, как легкие, бестелесные очертания Павловой становятся зыбкими, смутными. И горестно всплескивают руки. И скорбно никнет долу опущенная лебедиными перьями голова. И вся она погружается в белое оперение огромной пачки, мерцая и угасая вместе с угасанием музыки.

Репертуар Павловой был поразительно всеохватным. Она умела обновить классику, увидев ее «свежими и нынешними очами». Умела внести в самые дерзкие новаторские спектакли высокий дух отечественной классической традиции. И всем своим творчеством олицетворяла неразрывную связь прошлого и настоящего на русской балетной сцене.

ТРЕПЕТНОЕ, изощренное чувство Красоты хранила она и в жизни, вне подмостков. Не окружала себя роскошью. Не украшалась драгоценностями. Не любила мехов. Словно понимала, что не нуждается ни в каком внешнем, суетном декоре.

Слава Павловой интернациональна. Искусство ее принадлежит всему миру. Но более всего и прежде всего — России. Увенчанная лаврами, превращенная сотнями почитателей в живую легенду, Анна Павлова однажды ответила на обычный журналистский вопрос о ее мечте: хотела бы жить где-нибудь в России. Мечта оказалась несбыточной. Но Павлова вернулась в Россию. Ее туфли замкнуты в стеклянную витрину бахрушинского музея. А белоснежный веер из «Рондино» хранится в музее Большого театра. И из поколения в поколение передается мастерами балета великая «сага о Павловой». И вновь и вновь разворачивается перед нами жизнь, овеянная дыханием красоты.

Е. ЛУЦКАЯ.